

УДК 81-112.2

ОБЩАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ Ю. С. МАСЛОВА: ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ¹

Елена Викторовна Горбова

доцент кафедры общего языкознания

Санкт-Петербургский государственный университет

199178, Санкт-Петербург, 5 линия, 68-11, elena-gorbova@yandex.ru

В статье на основе обзора нескольких наиболее значительных работ из аспектологического наследия Ю.С.Маслова дается характеристика ученого как основателя отечественной школы общей и сопоставительной аспектологии. Прослеживаются некоторые пути развития современной общей аспектологии, связанные с развитием идей ученого.

Ключевые слова: вид (аспект); общая аспектология; сопоставительная аспектология; предельность; акциональность.

1. Несколько слов о научном наследии Ю.С.Маслова

Юрий Сергеевич Маслов (1914-1990) – широко известный в российской и зарубежной лингвистике ученый, специалист в области общего теоретического языкознания, истории языкознания, болгаристики, германистики, автор более 150 научных работ. Из всего обширного научно-наследия Ю.С.Маслова и всей его многогранной деятельности нас в первую очередь будут интересовать работы, заложившие основы отечественной школы общей и сопоставительной аспектологии. Принципиальная направленность на идею об аспектуальности как универсальном лингвистическом явлении характеризует своеобразие Санкт-Петербургской (Ленинградской) аспектологической школы, основоположником которой по праву можно считать Юрия Сергеевича. Выделение теории изучения глагольного вида в самостоятельную область лингвистики – аспектологию, тоже является заслугой профессора Ю.С.Маслова, создавшего целостную систему основных понятий этой дисциплины, предначертанного и во многом предугадавшего основные направления дальнейшего развития лингвистической мысли аспектологов различных стран и школ в конце XX – начале XXI в.

Цикл работ Ю.С.Маслова по общей и сопоставительной аспектологии включает в себя как отдельные статьи, обзоры современной автору аспектологической литературы, так и обобщающие монографии. В первую очередь имеются в

виду следующие работы: 1) ранняя, знаменитая своей новаторской постановкой вопросов, наиболее часто цитируемая и упоминаемая современными аспектологами статья «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» [Маслов 1948]², 2) глубокий и критически тонкий обзор «Глагольный вид в современном зарубежном языкознании» [Маслов 1962], 3) посвященная «больному» и «вечному» вопросу о лингвистической терминологии статья «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии» [Маслов 1965], 4) концептуально основополагающая работа «К основаниям сопоставительной аспектологии» [Маслов 1978], а также 5) «Очерки по аспектологии» [Маслов 1984] – наиболее целостное представление системы взглядов автора и своего рода компендиум всех его исследований по данной тематике. С удовлетворением отметим, что основные работы аспектологического цикла, а также ряд статей по вопросам общего языкознания вошли в сборник трудов ученого, выпущенный издательством «Языки славянской культуры» [Маслов 2004].

Нашей целью является изложение основных положений аспектологической концепции Ю.С.Маслова с учетом, по возможности, появившихся уже после ухода ученого новых идей и подходов к решению проблем общей аспектологии, зачастую тесно связанных с его идеями.

В рамках данной статьи внимание будет уделено одному (первому) из следующих блоков

аспектологических проблем, активно разрабатывавшихся в трудах Ю.С.Маслова³:

- аспектологически релевантная таксономия глагольной лексики;
- аспектологическая терминология в типологическом аспекте;
- концепция общей и сопоставительной аспектологии: основные принципы и понятия.

2. Аспектологически релевантная таксономия глагольной лексики

Ю.С.Маслову по праву принадлежит приоритет в постановке самой проблемы: до выхода в свет статьи «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» [Маслов 1948, 1984: 48-65, 2004: 71-90] вопрос о связи аспектуальных характеристик глагольной лексики с ее внутрилексемной семантикой не поднимался. Широко известная работа Зено Вендлера [Vendler 1967], посвященная тем же проблемам, но написанная на английском материале, появилась только в 1957 г.

Е.В.Падучева оценивает работу Ю.С.Маслова 1948 г. как «важный фактор, на долгие годы определивший развитие русской аспектологии», отмечая, что в ней «был обоснован тезис о принципиальной связи семантики видовой формы с лексической семантикой глагола и намечена семантическая классификация глаголов, позволяющая делать семантические предсказания о неполноте видовой парадигмы глагола (т.е. об отсутствии форм противоположного вида), а также о функциональной неполноте парадигмы – отсутствии тех или иных частновидовых значений. Тем самым в русистике были заложены – задолго до появившейся в 1967 г. влиятельной работы Вендлера – основы глагольной таксономии, определяющей взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности» [Падучева 1996: 3].

С изложения основных положений статьи 1948 г. мы и начнем.

2.1. Статья Ю.С.Маслова «Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке» (1948)

В этой статье автор отмечает, что подходы его предшественников характеризовались «недостаточным вниманием к семантике и преувеличенным вниманием к флективно-морфологической стороне», причем в первую очередь это было свойственно «практическому отграничению непарных глаголов от парных» (выделение автора – Е.Г.) [Маслов 1984: 52]. И далее: «Даже такой тонкий исследователь, как акад. А.А.Шахматов,

включает в свой список непарных глаголов только те, при которых никаких образований другого вида вообще нет (*бацнуть, обожать* и т.п.), или же, если такие образования есть, то морфологически они являются неправильными, отклоняющимися от нормы (*сесть – садиться, купить – покупать* и т.п.)⁴. Зато, например, *любить* не попадает у Шахматова в список непарных глаголов, поскольку в языке существует его морфологически нормальный дублет *полюбить* (ср. *чувствовать – почувствовать*), причем «парность» *любить* и *полюбить* как будто бы подтверждается и невозможностью приставочно-суффиксального образования типа **полюбливать*» [там же: 52]. «Ясно, – продолжает свою мысль Ю.С.Маслов, – что при семантическом, а не формальном подходе, наоборот, глаголы *сесть* и *садиться* должны бы считаться, несмотря на некоторую морфологическую «нерегулярность», вполне нормальными парами, а столь различные по своему лексическому значению глаголы, как *любить* и *полюбить* (=начать *любить*), несомненно надлежало бы рассматривать не как грамматическую пару, а как два непарных «недостаточных» глагола, – непарный глагол НСВ *любить* и непарный глагол СВ⁵ *полюбить*» [там же: 52].

Отвергнув морфологический критерий Шахматова для разграничения парных и непарных глаголов и стремясь поставить этот вопрос на «семантическую основу», Ю.С.Маслов ставит перед собой задачу «найти какой-то другой объективный критерий для этого разграничения, если мы не хотим, чтобы вопрос решался от случая к случаю в соответствии с субъективными вкусами того или иного исследователя» [Маслов 1984: 53]. Такой объективный критерий был найден, причем оказался настолько удачным в силу абсолютной логичности и бесспорности, а также простоты своего применения, что аспектологи, работающие на материале славянских языков, используют его и по сей день⁶.

Приведем рассуждения Юрия Сергеевича: «Чтобы сформулировать этот объективный критерий, надо найти в языке положение, при котором противоположность видов “автоматически” снималась бы в пользу одного из них, т.е. один из видов в обязательном порядке заменялся бы другим. Такое положение в современном русском языке есть. Это так называемое историческое настоящее (*praesens historicum*). При переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость исторического настоящего все глаголы как СВ, так и НСВ, оказываются уравненными в формах настоящего времени

НСВ. Ясно, что лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться при этом ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком действительной парности этих двух глаголов, а необратимость – признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары. Так, предложение *Он полюбил ее с первого взгляда* при пересказе в историческом настоящем, по-видимому, не превратится в **Он любит ее с первого взгляда*, следовательно, *любить* и *полюбить* – не пара. Напротив, если *Она очнулась в незнакомой комнате* может дать при переводе в историческое настоящее *Она приходит в чувство в незнакомой комнате* (с некоторой, неизбежной в данном случае, утратой эмоциональной окраски), то это значит, что морфологическая недостаточность глагола *очнуться* преодолевается путем привлечения этимологически «постороннего» глагола (точнее – целого словосочетания), т.е. путем создания того, что в языкознании принято называть «супплетивными» рядами» [Маслов 1984: 53].

Данный критерий получил название «критерий Маслова». В не так давно вышедшей в свет работе Анны А.Зализняк и А.Д.Шмелева «Введение в русскую аспектологию» читаем: «...видовая коррелятивность имеет место тогда и только тогда, когда глагол несом. вида может обозначать то же самое событие, что и глагол сов. вида. Чтобы установить этот факт, надо применить критерий Маслова, т.е. посмотреть, может ли данный глагол несом. вида заменять глагол сов. вида при описании повторяющегося события и при повествовании в *praesens historicum*» [Зализняк, Шмелев 2000: 48]⁷.

Отметим, впрочем, что сам Ю.С.Маслов в рамках статьи 1948 г. в свой критерий включал только ситуацию *praesens historicum*, что же касается ситуации повторяемости, то этот функциональный критерий определения видовой парности в его работах появляется значительно позже⁹. Впоследствии итеративизация была избрана в качестве основного диагностического контекста для определения видовой парности Е.В.Падучевой, считавшей именно семантическое соотношение ‘однократность – многократность’ стандартным, или тривиальным, для видовой пары, другие же критерии, по ее мнению, менее универсальны [Падучева 1996: 90].

Использование при определении видовой парности двух типов диагностических контекстов – ситуации настоящего исторического (а

также смежных значений настоящего времени – настоящего сценического и настоящего изложения) и ситуации повторяемости позволяет решить поставленную задачу удовлетворительным образом в случаях «сопротивления языкового материала», и, таким образом, эти два типа контекста удачно дополняют друг друга. Дело в том, что, как поясняют авторы «Введения в русскую аспектологию», «некоторые события по своей природе не могут быть представлены как повторяющиеся (например, *родиться* или *умереть* в буквальном смысле и с единичным субъектом), а некоторые другие – наоборот, как происходящие «как бы на глазах»: так, например, трудно перевести в *praesens historicum* фразу *За годы, прошедшие со дня их последней встречи, ее черты стерлись у него из памяти*. Поэтому для некоторых глаголов может быть применен лишь один из этих тестов» [Зализняк, Шмелев 2000: 48]. Здесь же авторы вполне справедливо отмечают, что до настоящего времени не было обнаружено таких случаев, когда один и тот же глагол в форме СВ по одному из тестов получал одну форму НСВ, а по второму – другую.

Знаменитый «критерий Маслова» в рассматриваемой работе 1948 г. является «проходным» эпизодом, одним из «общих замечаний» (по словам самого автора) и имеет для него чисто прикладное значение, позволяя выделить «три больших разряда» «семантико-синтаксических групп глаголов современного русского языка»: «1) непарные глаголы НСВ; 2) непарные глаголы СВ и 3) пары соотносительных глаголов» [Маслов 1984: 54]. Дальнейшее подразделение внутри каждой из этих трех групп осуществляется уже исходя не из видовой парности/непарности, а по другим основаниям, характеристика которым будет дана ниже.

Образцом первого разряда – непарных глаголов несовершенного вида – был избран глагол *плакать*. Общим свойством глаголов этого разряда Маслов называет «невозможность образования чистых видовых дублетов СВ (невозможность чистой перфективации); образуются только, да и то не при всех глаголах этого разряда, глаголы СВ с начинательным значением (*заплакать*) и со значение «охвата длительности» (*поплакать, проплакать*), не составляющие с ними соотносительных видовых пар» [Маслов 1984: 54]. В качестве причины невозможности «чистой перфективации» глаголов первого разряда (включающих две большие группы: А) «глаголы пребывания и бесперспективного протекания» и Б) «глаголы безуспешной попытки и безуспешного стремления», подробнее состав разряда см.

на с.54-56 указанной работы) Ю.С.Маслов называет такие общие для всех русских глаголов этого разряда черты, как «невозможность моментализации и внутреннюю беспредельность процессов, обозначаемых рассматриваемыми сейчас глаголами» [там же: 56].

Для второго разряда – непарных глаголов совершенного вида – в качестве образца дан глагол *очнуться*. Общее свойство: «невозможность образования чистых видовых дублетов НСВ (невозможность имперфективации). Для выражения некоторых значений, характерных для НСВ (в частности – многократного действия), используются средства нефлективной морфологии (*бывало очнется*) или привлекаются этимологически «посторонние» образования (*приходит в себя, в чувство*)» [Маслов 1984: 57].

Состав разряда: А) глаголы мгновенного, внезапного действия: *полоснуть, ринуться, поскользнуться, рехнуться* и т.д.; Б) финитивные глаголы: *отобедать, отишуметь*, а также такие, как *накричаться, искушать*, обозначающие разные оттенки полноты, исчерпанности процесса; В) глаголы со значением охвата длительности: *постоять, пробыть* и т.д.; Г) многие начинательные глаголы: *возненавидеть, залаять, заплакать, расплакаться, побежать, поплыть, полюбить*.

Общим свойством глаголов этого разряда является невозможность процессуализации, вытекающая, как отмечает Маслов, из лексической семантики соответствующих глаголов. «Именно эта невозможность процессуализации и является причиной непарности всех перечисленных глаголов» [Маслов 1984: 58]. Вместе с тем, здесь же отмечается, что другие значения из спектра грамматической семантики НСВ «принципиально совместимы с лексическими значениями, выражаемыми рассмотренными сейчас непарными глаголами СВ; так, ничто не препятствует многократному повторению действий ‘ринуться’, ‘отобедать’, ‘пробыть’ или ‘возненавидеть’ и т.д. Поскольку, однако, соответствующие глаголы НСВ не образуются, все подобные непроцессуальные значения выражаются здесь с помощью каких-то других средств» [там же: 58].

Третий – самый многочисленный и интересный – разряд: пары соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида. По признаку «валентности» автор делит их на три основные группы. Их образцы:

1-я группа: *ловить/поймать, умереть/умереть*;

2-ая группа: *видеть/увидеть, говорить/сказать*;

3-я группа: *приходить/прийти, колоть/кольнуть*.

Основное свойство глаголов первой группы, позволяющее объективно выделить ее, – «возможность противоположения внутри входящих в нее пар по линии ‘попытка’ – ‘успех’ или ‘тенденция’ – ‘осуществление’, проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал, – ловил, пока не поймал, – ловил и, наконец, поймал* и т.п.» [Маслов 1984: 59].

«Объективное отличие третьей группы – <...> невозможность конкретно-процессуального употребления этих глаголов и тем самым невозможность противоположения внутри этих пар по линии ‘процесс’ – ‘скачок’» [Маслов 1984: 59].

Вторая группа парных глаголов выделяется отрицательно, остаточно.

Резюмируя свою статью, Ю.С.Маслов подчеркивает, что его построение, не претендуя на всеобъемлющую полноту описания аспектуально релевантной семантики русской глагольной лексики, позволяет представить ее в виде следующей схематической картины. «На двух полюсах глагольной лексики расположены два разряда непарных глаголов НСВ и СВ, т.е., с одной стороны, глаголы, которые обозначают процессы, лишённые внутреннего предела и не поддающиеся моментализации, и, с другой – глаголы, которые обозначают внезапные скачки и другие действия, не поддающиеся процессуализации. К последним, непарным глаголам СВ, вплотную примыкает <...> группа пар типа *приходить/прийти*, в которой глагол НСВ, хотя и обрывается, но не способен иметь процессуальное значение. Таким образом, посередине между полюсами остаются только две группы глагольных пар, различие между которыми заключается в том, что в одном типе (*видеть/увидеть*) оба глагола всегда совпадают по своему материальному значению (А всегда равно В), а в другом (*ловить/поймать*) оба члена могут и совпадать (А=В), и не совпадать (А≠В)» [Маслов 1984: 65].

Однако основную ценность для последующего развития аспектологии представляет не этот, сам по себе, впрочем, достаточно «революционный» ракурс рассмотрения глагольной лексики русского языка, а постановка вопроса о «возможности и важности такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лек-

сической семантики, т.е., собственно говоря, из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий» [Маслов 1984: 65].

2.2. Категории скрытой грамматики как основа общей аспектологии

Можно утверждать, что этот подход заложил основу сопоставительного – в терминологии Ю.С.Маслова, а мы бы сказали, что и типологического – изучения аспектуальности языка. Постулируя наличие (по крайней мере, гипотетическое) в языках аспектуальных граммем с различной семантикой, что, собственно, является краеугольным камнем всей рассматриваемой аспектологической концепции (см. ниже), Ю.С.Маслов приходит к мысли о том, что «наиболее перспективными окажутся такие [сопоставительно-аспектологические] исследования, которые <...> рассматривают не одни только «явные» («открытые») грамматические категории, но – даже и в «видовых» языках – широко учитывают также явления «скрытой грамматики» и вообще все функционально-семантическое поле аспектуальности» [Маслов 1978: 39-40].

2.2.1. Категория предельности

Говоря о явлениях области «скрытой грамматики» применительно к аспектологической проблематике, следует, прежде всего, обратиться к рассмотрению явления, которому в рамках концепции профессора Маслова и, шире, Петербургской аспектологической школы, придается большое (а в некоторых случаях и первостепенное¹⁰) значение. Имеется в виду семантическая оппозиция предельность / неопредельность (П/НП).

В основе оппозиции П/НП, которую, «так или иначе выраженную, можно, по-видимому, признать лингвистической универсалией» [Маслов 1978: 15], лежит признак «предельности» – наличие идеи внутреннего, самой природой данного действия предусмотренного, предела действия в семантике глагола. Соответствующая оппозиция «действие предельное, направленное к внутреннему пределу / действие неопредельное, не направленное к пределу» [там же: 10] является универсальной, так как противопоставление предельных и неопредельных действий «основывается на преломленном сознанием объективных различиях, наблюдаемых во внеязыковой дейст-

вительности» [там же: 12]. А именно: объективно всякое действие, с одной стороны, обладает некоторой протяженностью во времени, а с другой стороны, эта протяженность ограничивается – или внутренним пределом действия, т.е. тем результатом, к которому приходит действие при своем беспрепятственном развитии, или же каким-то внешним препятствием, способным прервать как развитие стремящегося к внутреннему пределу действия, так и «бесперспективный» процесс или бесконечно длящееся состояние.

Очевидно, что оппозиция П/НП, в основе которой лежит понятие естественного предела действия, релевантна для глаголов, обозначающих динамическое действие, т.е. «действие в собственном смысле», противопоставленное «состоянию или статическому отношению» [Маслов 1978: 10]. Следовательно, противопоставление предельного/непредельного действия предполагает другое, предварительное разбиение глагольной лексики на классы глаголов, обозначающих действие (в узком смысле, «собственно действие»), и глаголов, обозначающих состояния (и отношения). С другой стороны, неопредельные действия (подкласс действий) и класс состояний и отношений могут быть логически объединены по признаку «неопредельность», так как статические состояния и отношения естественным образом, вследствие природы обозначаемых ими явлений, не предполагают никакого предела.

В то же время, в рамках класса предельных действий релевантно противопоставление достижение/недостижение (ДП/НДП) предела действием, характеризующимся направленностью на естественный результат (внутренний предел). Именно эта последняя оппозиция лежит в основе противопоставления форм СВ и НСВ русских глаголов (имеются в виду чистовидовые пары), являясь семантической базой единственной грамматической аспектуальной оппозиции русского языка.

Все три оппозиции, основанные на аспектуальных признаках, представляющих в своей совокупности область качественной аспектуальности (в рамках концепции Ю.С.Маслова), найдутся, таким образом, в иерархических взаимоотношениях. Эти отношения отражены в схеме «Иерархия семантических оппозиций качественной аспектуальности» [Маслов 1978: 10] (см. Схема 1).

Однако если рассмотреть представленные выше семантические оппозиции с точки зрения их соотношения с реальными глагольными единицами, то выявится их неравноценность по отношению к таким единицам, как лексема и словоформа (=грамматическая аллолексема): в то время как оппозиции, занимающие два верхних уровня, релевантны для различных лексем (динамика/статика: *бежать* и *весить*; предельность/непредельность: *переписывать* и *ходить*), противопоставление ДП/НДП предела чаще релевантно в рамках одной и той же лексемы, что совершенно естественно, например, для языка (в частности, русского), аспектуальная оппозиция которого и основана на данном противопоставлении, ср.: *переписывать/переписать*.

Кроме неэквивалентности соотношения рассмотренных семантических оппозиций с такими языковыми единицами, как лексема и ее грамматические варианты, отметим также факт невозможности безостаточного распределения всей глагольной лексики языка (покажем это на примере русского) среди противочленов трех семантических оппозиций, указанных в приведенной схеме¹¹. Так, если значения русских глаголов *imperfectiva tantum* «покрываются» семантикой таких членов выделенных семантических оппозиций, как 1) «состояние или отношение» (*знать*, *граничить*) и 2) «динамическое непределное действие» (*работать*), то глаголы *perfectiva tantum* (например, *вспыхнуть*) оказываются не охваченными ни одной из этих оппозиций, так как они, обозначая, с одной стороны, «пределное динамическое действие», с другой стороны, не включают в свою семантику значения предваряющего достижение предела процесса. Таким образом, подобные лексемы, являясь предельными, в то же время не способны противопоставить достижение предела его недостижению (такие же особенности семантики характерны и для парных глаголов типа *находить/найти*), в отли-

чие от предельных глаголов типа *перепилить/перепилить*.

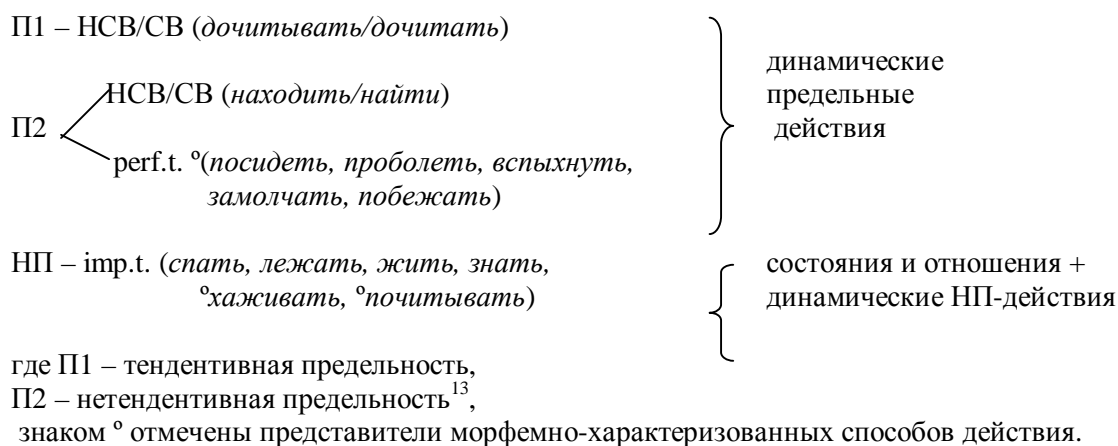
Явная недостаточность разделения глагольных предикатов¹² на два класса – предельных и непределных – вытекает также из факта наличия различных частных значений в случае взаимодействия семантики предельных глаголов с семантикой некоторых аспектуальных граммем. В частности, испанские предельные глаголы типа *escribir* ‘писать/написать’, с одной стороны, и типа *disparar* ‘стрелять/выстрелить’, с другой, по-разному ведут себя в прогрессиве: в форме *estar escribiendo* ‘писать, заниматься написанием чего-л.’ свойственная прогрессивной граммеме актуализация действия осуществляется посредством акцентирования семы процессности, в результате чего действие понимается в первую очередь как единичное и протекающее в некий конкретный момент. Следствием этого является возможность реализации словосочетаний типа *estar escribiendo una carta* ‘писать письмо, заниматься писанием письма’. В то же время в форме *estar disparando* ‘стрелять, заниматься стрельбой’ действие представляется как итеративное, что обусловлено отсутствием в семантике предельных глаголов такого типа семы процессности, вследствие чего как процесс может восприниматься лишь повторяемость подобных действий (поэтому возможно *estar disparando la escopeta* ‘стрелять из ружья, заниматься стрельбой из ружья’, но весьма спорно *estar disparando un tiro* ‘стрелять выстрел’).

Указанные противоречия могут быть разрешены двумя путями. Во-первых, возможно дифференцировать понятие предела (и предельности), выделив разные типы предела (и – соответственно – предельности). Этот вариант решения проблемы наиболее последовательно и эксплицитно представлен в работах А.В.Бондарко [например: Бондарко 1986, 1987, 1991]: под пределом понимается как «естественный результат»

действия, так и другие типы ограниченности протекания действия – временной предел и скачок в новое состояние. В соответствии с этим предельность подразделяется на тендентивную (*дочитывать/дочитать, escribir*) и нетендентивную (*находить/найти, посидеть, пробо-*

леть, вспыхнуть, закричать, disparar) – так называемое «широкое» понимание предельности. Эту систему (применительно к русскому языку) можно представить в схеме «Тендентивная и нетендентивная предельность в русском языке» [Горбова 1996: 25] (см Схема 2).

Схема 2

Во-вторых, можно предположить наличие более дробной, чем деление по признаку предельности, аспектологически релевантной семантической классификации глагольной лексики.

Следует, по-видимому, пояснить соотношение аспектуальных классов глаголов и предельности/непредельности в рамках концепции Ю.С.Маслова. Как это и следует из приведенной выше схемы 1, противопоставление динамики и статики, «действия в собственном смысле (т.е. изменения) и статического состояния (или отношения)», которое «обычно реализуется в языке как противопоставление двух классов глаголов»¹⁴ [Маслов 1978: 11], иерархически крупнее, чем противопоставление П/НП, поскольку последнее деление релевантно только для класса «динамическое действие». Впрочем, отмечается и возможность более расширенного представления непредельности, «т.е. непредельного действия или состояния, объединяемых вместе» [там же: 12].

Что же касается более мелких классов, чем разделение на обозначающие предельные и непредельные действия глаголы (оставим в стороне лежащее ниже в иерархии деление предельности на достижение и недостижение предела, поскольку это противопоставление нормально осуществляется в рамках одной и той же – предельной – глагольной лексемы), то в концепции Маслова в качестве таковых называются способы действия¹⁵. Ср.: «И в славянских, и во многих других языках предельность действия конкрети-

зируется в ряде более частных аспектуальных значений, связанных с отдельными разновидностями результативного «способа действия». Многие из этих разновидностей представляют собой конкретную комбинацию значений, входящих в сферу качественной аспектуальности, с известными значениями, относящимися к количественной аспектуальности» [Маслов 1978: 16].

Рассмотрению различных вариантов подобного рода таксономий и будет посвящен следующий подраздел.

2.2.2. Аспектуально-семантические, или акциональные, классы глаголов

В настоящее время в аспектологии известно несколько вариантов аспектуально релевантных семантических классификаций глагольных единиц – как разработанных на базе русского языка, например [Маслов 1948; Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Гиро-Вебер 1990; Падучева 1996], так и на материале других языков, в частности английского [Vendler 1967; Smith 1991/1997; Filip 1999], испанского [Правдивый 1974], карачаево-балкарского, багвалинского и марийского [Татевосов 2005], хакасского [Шлуинский 2006], турецкого [Johanson 1998]¹⁶.

Подчеркнем, что речь здесь идет именно о *аспектуально релевантных* семантических классификациях глагольной лексики. Чрезвычайно важным для понимания сущности рассматриваемого понятия – аспектуально-семантический класс глагола, акцио-

нальный класс, или характер глагольного действия¹⁷ – и его таксономии является ограничение данной классификации от целого ряда существующих классификаций глагольных предикатов, учитывающих разного рода «лингвистически интересные» семантические признаки и такие явления, как валентность глагола, контролируемость/неконтролируемость ситуации каким-либо ее участником, каузацию действия и т.п. Так как подобные явления не имеют прямого отношения к «внутреннему времени» глагольного действия (о чем свидетельствует, в частности, принадлежность к одному и тому же – терминативному – характеру действия динамического, неуправляемого предиката *умирать* и динамического, управляемого *есть* [Ван Валин, Фоли 1982: 383], они не являются существенными для разработки аспектуально релевантной классификации глаголов (подробнее см. [Горбова 2010]).

В то же время, даже оставаясь в рамках аспектуально релевантной таксономии, возможны различные «степени приближения», различные варианты решения вопроса о том, что же следует считать релевантным при разработке классификации глагольных лексем. Например, при решении вопроса о классификации русских глаголов *imperfectiva tantum* принципиально возможны два подхода. Первый – не подвергать эту группу глаголов дальнейшей классификации, поскольку она и так получена путем применения аспектуального критерия самого высокого уровня: эти глаголы объединены одинаковым отношением к единственной грамматической аспектуальной оппозиции русского языка (СВ/НСВ). В этом случае теряет смысл подразделение глаголов *imperfectiva tantum* даже на две группы, например, стативов и агентивов (по признаку активность/неактивность субъекта действия). Второй путь – учет более частных (чем соотношение с граммематами СВ и НСВ) параметров, например, способности сочетаться с наречиями *сейчас*, *всегда*, показателями кратности и итерации, обстоятельствами цели, способности образования производного делимитатива, сочетаемости с показателями начинательности и т.п.¹⁸ (см. созданную Е.В.Падучевой таксономию русских глаголов *imperfectiva tantum* [Падучева 1996: 122-151]).

Представляется, что и тот и другой подход имеют право на существование, причем выбор стратегии при создании аспектуально релевантной таксономии должен определяться целями исследования. При этом сам принцип учета в сопоставительных исследованиях аспектуально-семантических (акциональных) классификаций

глагольной лексики представляется чрезвычайно плодотворным и абсолютно необходимым, поскольку именно таксономии подобного рода являются единственно доступным *tertium comparationis* в случае работы с материалом разноструктурных языков (опыт подобного исследования, например [Горбова 1996]). И тем более значительным представляется вклад, сделанный в современную аспектологию Ю.С.Масловым, который стоял у истоков данного семантико-аспектологического направления.

¹ Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ «Школа общего языкознания Ю.С.Маслова» НШ-3688.2010.6.

² К сожалению, зачастую складывается впечатление, что исключительно эта работа и известна в аспектологических кругах.

³ Полный обзор обозначенных выше вопросов см. [Горбов, Горбова, 2010] (готовится к печати).

⁴ Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С.187-188.

⁵ В нашей работе используются следующие принятые в славянской аспектологии сокращения: для «совершенный вид» - СВ или сов. вид, для «несовершенный вид» - НСВ или несов. вид.

⁶ См., в частности, исследования: [Петрухина 2000: 50-52], [Зализняк, Шмелев 2000: 47-52].

⁷ См. также работы Е.В.Падучевой, в частности, объединенные в книге [Падучева 1996].

⁸ См., в частности, очерк «Функциональная полнота и морфологическая регулярность видовой парадигмы», [Маслов 1984: 65-69] с указанием на то, что он представляет собой русский вариант, снабженный некоторыми добавлениями, более ранней работы 1981 г., опубликованной по-английски в кн.: *The Slavic verb. An anthology presented to Christian Sørensen* 16th December 1981. Copenhagen, 1981. P. 103-106.

⁹ Ср., впрочем, критические замечания по поводу данного «функционального критерия видовой коррелятивности» [Перцов 2001: 124-128].

¹⁰ См., например, работы М.А. Шелякина, написанные, в основном, в русле идей Петербургской аспектологической школы: [Шелякин 1982а, 1982б, 1983, 1987, 2008].

¹¹ Сразу оговоримся, что и здесь, и далее, в случае отсутствия специальных указаний противоположного характера, имеются в виду базовые глаголы, т.е. «непроизводные в рамках глагольной системы» [Петрухина 2000: 20], не являющиеся, в том числе, и представителями каких-либо морфемно-характеризованных СД.

¹² Ставить вопрос о предельном/непредельном характере глагольных предикатов (контекстно реализованных глагольных единиц), а не глагольных лексем представляется более корректным, т.к. тем самым снимается проблема двойственного по отношению к П/НП характера некоторых глаголов, ср.: многозначная лексема *писать* является непредельной в ситуации *Ребенок уже умеет писать* и предельной в си-

туации *Он пишет письмо*. Впрочем, возможно использование и других вариантов номенклатуры, позволяющей решить вопрос с «ненужной» полисемией. Во-первых, используется противопоставление «лексема (которая может быть многозначной) – ее лексико-семантический вариант (всегда моносемичен)» (такая терминология характерна для работ [Горбова 1996; Петрухина 2000]). Во-вторых, используется пара терминов «вокабула – лексема», в такой номенклатуре лексема принципиально однозначна (см., например: [Мельчук 2001: 437]). Ср. также определение Е.В.Падучевой [Падучева 1994/1996: 105]: «Лексема – это слово, взятое в одном из его значений. Объектом рассмотрения являются не слова, а лексемы».

¹³ Отметим, что Ю.С.Маслов также оговаривал особый статус глаголов типа *вспыхнуть* среди предельных глаголов, ср.: «Обычно действие в своем протекании направлено к этому (самой природой данного действия предусмотренному) пределу и в случае его достижения должно исчерпать себя и прекратиться (ср.: *Он перепиливает бревно*). Иногда, однако, уже само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела (напр., у «моментальных» глаголов вроде *вспыхнуть*)» [Маслов 1984: 11]. Но глаголы типа *посидеть, проболеть* Ю.С. Маслов считал непредельными на том основании, что их двусторонняя ограниченность является внешней, не вытекающей из внутренней сущности обозначаемых явлений, ср.: «Делимитативные и пердуративные глаголы чаще всего образуются от непредельных глаголов и по своей лексической семантике являются, несмотря на СВ, непредельными: соответствующие действия или состояния (бегание, сидение и т.п.) сами по себе не имеют естественного предела. Значение СВ связано здесь с внешним, чисто временным пределом, с определенной «порцией времени», ограничивающей течение действия или состояния <...>» [Маслов 1978: 79]. Из этого следует, что проф. Маслов придерживался, скорее, «узкого» понимания предельности

¹⁴ Причем «в некоторых языках разграничение этих классов <...> выступает очень отчетливо» [Маслов 1978: 11]. В качестве примеров такого рода языков Ю.С.Маслов приводит китайский и дунганский языки, а также картвельскую и абхазско-адыгскую группу иберийско-кавказских языков, ссылаясь на исследования специалистов в данных областях частного языкознания [Маслов 1978: 11-12].

¹⁵ Рассмотрение вопроса о соотношении понятий (и соответствующих глагольных классов) способа действия и аспектуального, или акционального, класса (= характера действия) см. [Горбова 1996; Горбов 1998].

¹⁶ Анализ аспектуально-семантических классификаций глаголов см. также [Петрухина 1993].

¹⁷ Существует еще одно терминологическое наименование, служащее для именования если и не в точности данного явления, то очень близкого к нему, – *таксономическая категория глагола (Т-категория)*, принадлежащее Е.В.Падучевой [Падучева 1994/1996].

¹⁸ Впрочем, в этом случае в качестве аспектуально релевантных учитываются уже не только семантиче-

ские признаки, традиционно охватываемые качественной аспектуальностью (в понимании Ю.С.Маслова [Маслов 1978]), но и круг значений, объединяемых количественной аспектуальностью, т.е. характеристика действия по количеству «крат» или непрерывности/прерывности осуществления, ограничению длительности и по степени интенсивности [там же].

Список литературы

Бондарко А.В. Семантика предела // Вопросы языкознания, 1986, №1. С.14-26.

Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 40-63.

Бондарко А.В. Предельность и глагольный вид (На материале русского языка) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.50, 1991, №3. С.195-207.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С.7-85.

Ван Валин Р.Д., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХІ, М.: Прогресс, 1982. С.376-410.

Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания, 1990, №2. С.102-112.

Горбов А.А. О понятии «способ действия» и его отношении к аспектуальности // Язык и речевая деятельность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 41-46.

Горбов А.А., Горбова Е.В. Общая аспектология Ю.С. Маслова – некоторые положения и направления развития // Сборник статей памяти Ю.С.Маслова. СПб., 2010 (готовится к печати).

Горбова Е.В. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.

Горбова Е.В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010 (в печати).

Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.7. 1948. С.303-316.

Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании //

Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 7-32.

Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, Л., 1978. С. 4-44.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV. М.: Языки славянской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach. 2001. 584 с.

Падучева Е.В. Семантика видового противопоставления и таксономическая категория глагола // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: ВИНТИ, 1994. С.7-31.

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Петрухина Е.В. К проблеме аспектуально релевантной классификации глагольной лексики в русском языке // Studia Rossica Posnaniensia. Vol. XXXIII. Poznań, 1993.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарскими языками. М.: Изд-во МГУ, 2000. 256 с.

Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 280с.

Правдзивый А.А. Видовая актуализация настоящего и прошедших времен глагола в испанском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1974.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С.86-157.

Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, 2005. № 1. С.109-141.

Шелякин М.А. Об аспектуальном понимании способа, характера и типа глагольного действия // Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1982. Вып. 625. С.21-31.

Шелякин М.А. О моделировании функционально-семантической категории русского языка (тезисы) // Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Тарту, 1982. Вып. 625. С.32-39.

Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983. 216 с.

Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 63-85.

Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS, 2008. 272 с.

Шлуинский А.Б. Акциональные классы глаголов в хакасском языке // Третья Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб: Нестор-История, 2006. С. 158-164.

Filip H. Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics. Garland Publishing, New York, 1999. 313 p.

Johanson L. & Eva Agnes Csato (eds). The Turkic Languages. London, New York: Routledge, 1998

Smith C. The Parameter of Aspect. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer, 1997. [1th ed.: 1991]

Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967. 203 p.

YURY MASLOV'S GENERAL ASPECTOLOGY: FROM THE HISTORY OF NATIONAL LINGUISTICS

Elena V. Gorbova

**Associate Professor of General Linguistics Department
Saint Petersburg State University**

The present article is based on a survey of several most important papers from Yury S. Maslov's aspectological intellectual heritage and states the linguist as the founder of the Russian School of General and Comparative Aspectology. The article also traces some trends in present-day general aspectology in connection with the development of Maslov's ideas.

Key words: aspect, general aspectology, comparative aspectology, telicity, actionality.